

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Р.Н. АБРАМОВ

Социокультурные аспекты постсоветской ностальгии в странах бывшей Югославии

(Размышления над работами

М. Великоньи и Т. Петрович)*

Статья посвящена анализу ностальгии по социалистическому периоду развития в странах бывшей Югославии в работах современных социологов. Особое внимание уделяется теоретическим импликациям данного социокультурного феномена.

Ключевые слова: постсоветская ностальгия, постсоциалистическая ностальгия югоностальгия, коллективная память, антропология памяти.

The article analyzes nostalgia on socialist period in the countries of former Yugoslavia in modern sociological investigations. A special attention is given to theoretical implication of this socio-cultural phenomenon.

Keywords: post-Soviet nostalgia, post-socialist nostalgia, yugonostalgia, collective memory, anthropology of memory.

Данные опросов общественного мнения показывают: советское прошлое не только не завершилось, но переживает ренессанс, связанный с ростом тематического медиаконтента и общего благосклонного интереса к этому времени. Согласно данным ВЦИОМ, слово “советский” заставляет россиян испытывать в первую очередь чувство ностальгии (31%). Что касается слова “антисоветский”, то оно, главным образом, вызывает у респондентов осуждение (23%) и безразличие (22%). Слово “советский” у опрошенных значительно чаще, чем его антоним, вызывает чувства гордости (18% против 1%) и одобрения (17% против 2%). У людей пожилого возраста со словом “советский” связаны ностальгия (41%), одобрение (23%) и гордость (22%), а с “антисоветский” – осуждение (32%) и ненависть (19%). Вдобавок слово “советский” ассоциируется у россиян преимущественно с хорошими и светлыми воспоминаниями (14%), а также с порядком и уверенностью в завтрашнем дне (11%) [“Советский”... 2010]. Более того, во взглядах на недавнее прошлое возникла почти мода, которой не избежали и представители молодого поколения, родившиеся на самом закате совет-

* Статья подготовлена при спонсорской поддержке Центральноевропейского университета.

Абрамов Роман Николаевич – кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, старший научный сотрудник Института социологии РАН.

ской истории. Достаточно вспомнить в этой связи телецикл “Старые песни о главном”; появление телеканала “Ностальгия”, специализирующегося на демонстрации программ и телефильмов советского времени; выход иллюстрированного многотомника “Намедни. Наша эра” (книга-альбом известного журналиста Л. Парфенова).

Сложилось представление, что ностальгия по советским временам распространена исключительно на пространстве бывшего СССР, особенно в России; что подобный феномен – отражение архаичного массового сознания российского общества, его реакция на шоковые политические и экономические изменения 1990-х гг. При этом считается, что в государствах бывшего советского блока, включавшего в себя большую часть Центральной и Восточной Европы, такой ностальгией не страдают. Предполагается, что жители этих стран почти не сожалеют о недавнем прошлом – ведь “реальный социализм”, как представляется, во многом был им привнесен извне, кроме того, они испытали на себе репрессии местных коммунистических диктаторов, а некоторые и военное вмешательство со стороны СССР (см. [Горалик, 2007; Берелович, 2003; Бойм, 1999; Юрчак, 2007; Кустарев, 2007]). Пожалуй, только благодаря фильму “Гуд бай, Ленин!” в России стал известен феномен “остальгии” – тяги жителей бывшей ГДР к временам Э. Хонеккера¹.

В принципе, исследование и теоретизирование о ностальгии – неординарная задача, требующая знакомства с источниками разностороннего характера – от философии и психологии памяти до постмодернистской культурологии и социальной антропологии. Более того, довольно сложно найти релевантное социологическое определение рассматриваемого понятия. Так, Ф. Девис, автор фундаментальной социологической работы по теме ностальгии, определял ее как “приятный сорт печали – горько-сладкой” или “неясное счастье с печалью” [Davis, 1979, p. 14, 29]. Сходным образом определял ностальгию Р. Кардинал, для которого она – символ “горько-сладкого желания управлять пространством и временем” [Cardinal, 1994, p. 68–96]. К. Лэш считал, что “ностальгические репрезентации прошлого пробуждают безвозвратно потерянное время, что является причиной вечности и неизменности” [Lash, 1991]. Для М. Чейза сущностная черта указанного феномена массового сознания заключается в том, что “ностальгия по прошлому не имеет ностальгического: прошлое свободно от эксплуатации, конфликта и нестабильности” [Chase, Shaw, 1989, p. 133]. С. Стюарт полагает, что “ностальгия, как форма нарратива, всегда идеологична, а прошлое стремится не существовать исключительно как нарратив” [Stewart, 1993, p. 23]. Но как бы то ни было, абстрагируясь от теоретических нюансов, можно констатировать: эмпирические исследования посткоммунистической ностальгии говорят о том, что в той или иной форме такие настроения присутствуют в большинстве восточноевропейских государств, в той или иной степени оказывая влияние на социальную, политическую, культурную жизнь этих стран [Velikonja, 2009; Bancroft, 2009].

В этом аспекте заслуживают внимания работы социологов стран бывшей Югославии, которые не просто исследуют место социалистического прошлого в коллективной памяти жителей территории бывшей СФРЮ. Они способствуют лучшему пониманию причин возникновения, а главное – устойчивости подобных настроений в социумах переходного типа. Это прежде всего – работа словенского социолога и культуролога М. Великоньи “Титостальгия – исследование ностальгии по И. Броз Тито” [Velikonja, 2008]. Имея вид поклетбука, эта книга неплохо смотрится на столике богемной кофейни где-нибудь в центре Европы, на просторах бывшей Австро-Венгерской Империи или стран социалистического блока. Книга издана в формате *bilingua* – с одной стороны, вы читаете англоязычный вариант, а с другой – содержание на словенском, родном языке автора. Работа посвящена одной из форм постсоциалистической ностальгии в странах бывшей Югославии – отражению в личных нарративах и объектах массовой культуры положительного образа многолетнего коммунистического лидера СФРЮ.

¹ О феномене “остальгия” см. [Berdahl, 1999; Berghahn, 2005; Betts, 2003; Martin, 2006; Cook, 2007].

Словенский культуролог называет ностальгию по Тито, получившую распространение в странах бывшей Югославии, *титостальгией*. Последняя выступает отражением более широкого феномена – *югостальгии*, то есть ностальгии по последним десятилетиям жизни в СФРЮ. Несмотря на существенные различия ее проявлений в разных регионах, все они связаны с приятными воспоминаниями о “югославских вещах”, бывших общими для всех жителей федерации. Ностальгические “вещицы” включают югославскую поп-культуру (от далматинских песенок до рок-н-ролла и панка), фильмы, телесериалы, развлекательные программы, спортивные победы, неформальные (дружеские и любовные) отношения и формальные мероприятия (совместную бригадную работу, службу в армии, визиты в подшефные школы и села, пикники), путешествия, различные аспекты повседневной жизни, промышленные товары и продукты питания. В этом контексте Великонья указывает на особенность “тотального” характера ностальгии по позднему советскому времени в Югославии: и в Хорватии, и в Сербии, и в других странах бывшей СФРЮ можно найти и купить вино марки “Тито”, почтовые карточки с изображением жены диктатора, тогда как другие исторические и политические деятели, много сделавшие в XX в. для этих стран, либо слабо представлены, либо вовсе отсутствуют [Velikonja, 2008, p. 11–23].

Несмотря на общий дескриптивный, почти этнографический характер исследования, автор не избегает сложных рассуждений, касающихся теоретической и аналитической реконцептуализации ностальгии в современных социальных науках. Для него она не только интимная, романтическая память, невинные самосбывающиеся сказки, но также и мощная социальная, культурная и политическая сила, производящая практические эффекты в их окружении. Ностальгия может быть частью национального проекта (как в случае воображаемых сообществ Б. Андерсона или изобретении традиции Э. Хобсбаума), неоконсервативной революции (рейгановское правление ранних 1980-х гг.)², имперского призыва (как, например, это происходило в России в 1990-х гг., где ультраправые нередко смыкались с ультралевыми). Менее зловещим образом ностальгия может фигурировать в рекламе, поп-культуре и пр.

Как полагает Великонья, “ностальгия – эфемерное и изменчивое социальное понятие, различающееся во времени и пространстве, по-разному существующее в разных социальных группах и поколениях. Она принимает различные формы – от простого развлечения до фанатических обязательств – и может проявляться в разных сегментах социальной жизни: массовой и потребительской культуре, искусстве, рекламе, сообщениях СМИ, программах политических партий, религиозной риторики, различных субкультур и повседневной жизни”. Немаловажен и утопический характер ностальгии³. В ней, как в утопии, ищут счастья, свободу, отсутствие отчуждения, Золотую эру и страну с молочными реками и кисельными берегами [Velikonja, 2008, p. 29, 122].

Обращает на себя внимание, что феномен “титостальгии” часто противостоит новым национальным идеологиям постъюгославских государств, конструирующих свою политическую и историческую идентичность на противостоянии памяти об СФРЮ. Титостальгия находится в оппозиции официальным дискурсам – “Тито виртуально исключен из доминирующих дискурсов, или даже хуже, он систематически поносится и осуждается, хотя люди в постъюгославских странах нередко отзываются о нем уважительно” [Velikonja, 2008, p. 43]. В этой связи важно разделить понятия *культура ностальгии* и *ностальгическая культура*. Первая – это материальные и карнавализованные медиаартефакты, отсылающие нас к прошлому, часто уже прошедшие маркетинговую переделку под “прежние времена”: это могут быть футболки, сувениры, значки, брелоки, названия и антураж кафе и клубов, самодельные музеи и

² Имеется в виду возвращение к американским патриархальным ценностям: усилению государства и армии, индивидуальной инициативы, патриотической гордости, религиозной традиции и решительной внешней политики (см. [Lash, 1991, p. 99]).

³ Здесь уместно вспомнить тезис Стюарта: “Ностальгия имеет отчетливо утопическое лицо, которое обращено к будущему-прошлому, прошлому, которое было только в идеологической реальности” [Stewart, 1993, p. 23].

все то, что формирует материальный мир ностальгии. Вторая – образы, мнения, выражаемые людьми относительно объекта ностальгии (как, например, применительно к основателю СФРЮ в случае титостальгии). Эти мнения отражаются в результатах опросов, а также посредством повседневной активности, уличной культуры и домашнего творчества, и не являются исключительно результатом усилий маркетологов по продвижению ретробрендов, но служат отражением коллективного сознания. И в этом отношении ностальгическая культура лишь отчасти может быть объектом коммерциализации, поскольку ее корни значительно глубже, нежели видимый слой ностальгических безделушек [Velikonja, 2008, p. 65].

Путешествуя по территории бывшей Югославии и собирая материалы для книги, автор выявил региональные версии титостальгии, соответствующие историческим и политическим особенностям новых Балканских стран. Например, в Словении наличествует значительное число граффити, отсылающих к Тито, тогда как в других бывших югославских республиках эта практика не так распространена. Маршал все еще популярен в Македонии, в некоторых частях Боснии и Герцеговины и Черногории, но не среди сербской и хорватской частей населения упомянутых государств. Конечно, в силу исторических и политических причин в Косове пантеон героев совсем другой, однако несмотря на отсутствие титостальгии среди косовских албанцев на публичном уровне, на индивидуальном уровне можно обнаружить приятные воспоминания об этом персонаже⁴. Естественно, публичное проявление такой приязни рискованно, поскольку существует устойчивая цепь ассоциаций “Броз Тито–Югославия–Сербия–сербская гегемония”, тем не менее, маршал, скорее, позитивная фигура среди людей среднего и старшего возраста и определенно – среди некоторых этнических меньшинств, таких как косовские турки, которые полагают, что он лучше защищал их право на самоопределение, образование, литературу и культуру от давления более крупных этнических диаспор [Velikonja, 2008, p. 39].

Представляя различные обобщающие разъяснения материализованной и нематериализованной титостальгии, Великонья приводит ряд аргументов “за” и “против” столь широкого ее распространения. Прежде всего ностальгическое “возвращение Тито – следствие катастрофических событий последних двух десятилетий, таких как война, массовые убийства, разрушения, нужда, экономический и социальный упадок, политические кризисы и т.д. На этом фоне Тито идеализируется как символ дружбы, солидарности, благополучия и защиты” [Velikonja, 2008, p. 95]. Между тем это не является сильным побудительным мотивом для некоторых территорий бывшей Югославии, например Словении, избежавшей трагедий других республик и достигшей значительного экономического и политического прогресса, несмотря на ряд серьезных проблем. Тут имеет место влияние других факторов в производстве ностальгического мышления.

Наиболее распространенным аргументом в пользу титостальгии служит “поколенческий фактор” – поклонение бывшему советскому лидеру. В действительности это тоска представителей старшего поколения по “добрым старым временам” их юности, энтузиазму и идеалам. Ведь они прожили лучшие годы своей жизни в Югославии, бывшей тогда на пике развития. Примерно так же в России объясняют неожиданную любовь к 1970-м гг., когда представители наиболее активного сегодня поколения были детьми или совсем молодыми людьми. Однако в странах бывшей Югославии, как и в России, поколенческий фактор не единственно возможное объяснение: титостальгия получила распространение и среди молодых людей, родившихся спустя долгие годы после правления Тито, и поколения, которое лишь смутно помнило то время. Впрочем, как замечает словенский социолог, возможен и эффект воспитания: родители передают свои личные воспоминания о социалистическом прошлом своим детям.

⁴ Некоторые исследователи полагают, что в современном Косове можно обнаружить скрытые, официально стигматизированные примеры югоностальгии, которые не исчезли даже после кровавой войны 1990-х–начала 2000-х гг. [Schwander-Sievers, 2010].

Но данное объяснение игнорирует разрыв между ценностями и культурным фоном родителей и детей, возникший на фоне быстро изменяющихся обществ и появления новых СМИ [Velikonja, 2008, p. 95–97].

Имеет значение и фактор патриархальных традиций культур Балканских стран. В этом отношении образ Тито соответствует популярным архетипам: необразованного крестьянского парня, пролетария, простого солдата, пленного, политического заключенного, удачливого полевого командира, государственного деятеля, а также бонвивана, гедониста, любителя женщин и настоящего мачо. Диктатор имел многоликий образ, сочетавший в себе черты типичного балканского мужчины, типичного центральноевропейца, космополита. С одной стороны, Тито проявил себя как влиятельный политический лидер, равный лидерам крупнейших стран, принятый в компании голливудских звезд, ведущий жизнь аристократа с ее автомобилями, яхтами, виллами. С другой стороны, он имел образ “своего парня”, “одного из нас”, который с аппетитом ест, увлекается фотографией, играет в шахматы, плавает, болтает с простыми людьми, рабочими, детьми и солдатами. Не менее важно и столь популярное на постсоветском пространстве “народное объяснение” любви к старым коммунистическим лидерам: “Тито воровал, но он также давал и народу жить, нынешние крадут, но ничего не дают” [Velikonja, 2008, p. 98–99]. Не следует забывать и о простом коммерческом мотиве: Тито так долго был “брендом”, внедряемым в массовое сознание всеми пропагандистскими средствами, что до сих пор обладает высоким маркетинговым потенциалом. Поэтому неудивительно, что его именем называют марки вина, рестораны, а сам югославский лидер рекламирует роскошные автомобили и средиземноморские курорты. В книге можно найти иллюстрации с изображением рекламных артефактов.

Возвращаясь в последних частях книги к теоретическим аспектам рассмотрения ностальгии, Великонья обращается к ее роли как символического анестетика в условиях конюмеристского общества. В этом контексте ностальгия – один из конкурирующих гегемонистических дискурсов, которые заполняют пустоту, создаваемую отсутствием смыслов в обществах позднего капитализма (“дефицит легитимации” по терминологии Ю. Хабермаса). Современные общества имеют серьезные проблемы с самолегитимацией. Конюмеризм не знает утопии, только конкретное “здесь и сейчас”: переходные общества, такие как бывшие постсоциалистические государства, не знают настоящего, потому что живут в лимбе между потерянным прошлым и неопределенным будущим. Поэтому, как полагает словенский социолог, ностальгия может быть понята как ответ, как ловкий трюк, или дымовая завеса, изобретаемая доминирующими социальными силами перед лицом проблем легитимации. Это может быть “дополнительным ресурсом в хранилище уловок и соблазнов капитализма” [Jameson, 2005, p. 168]. Правящие элиты чувствуют себя спокойнее, когда люди с умилением вглядываются в прошлое и сублимируют гомеостатические чувства, не думая о завтрашнем дне, чем когда они критически переосмысливают настоящее и обращаются к поиску путей изменения будущего. Ностальгирующие не могут принять существующий мир и ищут убежище в идеализированном прошлом. Соответственно, ностальгия – это “безопасный дискурс” с его неотъемлемым ощущением того, что называется *belle époque* (потерянная юность, которая никогда не вернется). И Югославия, и Тито в таком теоретическом фокусе никогда не существовали – они лишь результат конструирования в пределах титостальгии и югостальгии, утопическая симуляция, где СФРЮ – “страна мечты”, очищенная от всех слабостей и ошибок, род волшебной страны грез [Velikonja, 2008, p. 126–133].

Если ностальгия по Броз Тито – социокультурный феномен, чье распространение на территории бывшей Югославии вполне объяснимо, то подобные настроения в отношении армии этой исчезнувшей страны, исследуемые Т. Петрович в работе “Ностальгия по Югославской народной армии (ЮНА). Вспоминая армию бывшей Югославии” [Petrovic, 2010], можно считать явлением парадоксальным. Многочисленные кровавые Балканские войны 1990-х гг. должны были навсегда разрушить положительный образ армии СФРЮ. Между тем этого не произошло, и порой единственное, что объединяет

врагов по войнам 1990-х гг., как раз ностальгические воспоминания о службе в ЮНА в 1970–1980-х гг.

Петрович с 2005 г. начала собирать армейские истории солдат бывшей Народной армии. Эти истории обычно разворачиваются вокруг трех нарративных линий: мужской дружбы, “школы жизни” и рассказов о компенсационных практиках облегчения своего пребывания на службе и создания себе более комфортных условий существования. Наиболее широко распространенный нарратив об армии – сюжет о “школе”, которая делает мужчин зрелыми и ответственными, способными достойно встретить взрослую жизнь [Petrovic, 2010, p. 66].

Большинство мужчин старшего и среднего возраста, живущих в странах бывшей Югославии, имеют общий опыт службы в рядах ЮНА. При этом возникают странные ситуации. Так, популярные среди солдат югославской армии татуировки “JNA” теперь играют с их обладателями злую шутку. Например, македонец, проходивший службу в середине 1980-х гг. и имеющий такую татуировку, вынужден ее закрывать банданой на пляжах Хорватии, где эта армия ассоциируется с сербской агрессией в Хорватию в 1990-е гг. Армейские “байки” и общие воспоминания – это то, что объединяет бывших солдат ЮНА помимо татуировок. Такие истории – репрезентативный пример гендерно-ориентированной нарративной практики: это – “мужские истории” не только потому, что в них речь идет о мужчинах, но, что более важно, они служат функции формирования идентичности⁵. Одновременно сами рассказчики чувствуют некоторый дискомфорт, когда вспоминают югославскую армию, – ведь это заставляет их проблематизировать новые постъюгославские обстоятельства [Petrovic, 2010, p. 61].

ЮНА была институтом, который организовывался и идеологически формировался как центральный элемент и ключевой агент единения всех людей, живущих в единой тогда социалистической стране. Одним из инструментов реализации этого процесса стала практика отправки призывников на службу в места, максимально отдаленные от их местожительства, в другие республики и т.п. Что называется, “люди со всех частей Югославии встречались здесь”. В последние годы, когда плюралистическая идеология СФРЮ сменилась националистическими идеологиями отдельных стран бывшей федерации, ностальгия по Югославии в официальном контексте стала рассматриваться как утрата патриотизма [Petrovic, 2010, p. 62–63]. В академическом дискурсе подавление позитивных воспоминаний о Югославии получило название “коллективной амнезии” и “конфискации памяти”. И под давлением этих и других обстоятельств идентификация бывших солдат с ЮНА стала для них проблемой.

С распространением Интернета на постъюгославском пространстве возникли форумы с дискуссиями, обменом воспоминаниями и опытом службы в ЮНА. Основная часть содержания этих ресурсов – нарративные истории о службе. Важная характеристика их содержания – концентрация участниками внимания на деталях службы (жаргоне, практикам, поведению офицеров и т.д.) и в меньшей степени – склонность давать личные эмоциональные оценки. Членство в виртуальных сообществах бывших военнослужащих ЮНА раскрывается как доминирующий аспект идентичности людей – участников форумов, где их национальная идентичность не играет существенной роли, давая возможность сербам, хорватам и представителям других балканских народов обмениваться армейским опытом, несмотря на то, что многие из них воевали друг с другом [Petrovic, 2010, p. 67].

Парадокс армейской ностальгии состоит в том, что опыт пребывания в армии для большинства рядовых был травматическим: никто не хочет вернуться в это прошлое и все помнят, что это было тяжелое время с его неуставными отношениями и ожиданием дембеля. И в этом смысле ностальгическими эти воспоминания становятся только потому, что нет угрозы вернуться обратно [Petrovic, 2010, p. 64]. Другой аспект армейской ностальгии заключается в том, что служба в ЮНА воспринимается как “настоящая армейская служба” с большей жесткостью, большей продолжительностью и

⁵ См. книгу российского антрополога К. Банникова [Банников, 2002].

серьезностью, чем служба в армиях современных югославянских государств. Иногда, например, в Словении можно услышать вопрос: “*Вы служили в настоящей армии или в словенской?*”. Под “настоящей армией” подразумевается ЮНА. Схожие вопросы можно услышать даже в отношении хорватской армии, несмотря на то, что она обрела героическую ауру во время войны 1990-х гг.

Этот нарратив о ЮНА как о “настоящей армии” можно трактовать по-разному. Так, согласно М. Херцфельду, имеет место “структурная ностальгия”, когда происходит избирательное воспоминание прошлого как лучшего и оценки настоящих ценностей и качеств как не существующих в настоящее время [Herzfeld, 2004]. Оппозиция в восприятии ЮНА и новых национальных армий может также интерпретироваться в общем контексте изменяющейся маскулинности в современном мире: инициация мужественности через воспитание выносливости, причинение боли и страданий [Petrovic, 2010, p. 64–65].

Личная память бывших солдат ЮНА разделяется сотнями тысяч бывших югославов. В этом смысле индивидуальная память становится коллективной и не может игнорироваться или забываться нормативной общественной памятью, которая предлагает различные версии прошлого и различные образы югославских военных институтов. Военная служба в ЮНА была исключительно мужским опытом, и преимущественная функция армейских нарративов остается в сфере воспроизводства маскулинности, через выражение мужской солидарности и конкуренции. В этом отношении истории солдат югославской армии мало отличаются от историй солдат любой другой армии, которые рассказываются поколениями мужчин по всему миру. Тем не менее в контексте югославского постсоциализма, характеризующегося реставрацией и реизобретением национальных идентичностей, воспоминания о ЮНА стали проблематизированной культурной практикой, осознаваемой как выражение “опасных” и “декадентских” чувств югоностальгии. Несмотря на подавление положительного отношения к общему прошлому в странах бывшей СФРЮ, воспоминания об армии и тематические нарративы оказались неожиданно устойчивыми к этим изменениям. Воспроизводство маскулинности через нарративы о ЮНА сосуществует с националистскими нарративами о боях в недавних войнах не только в обществах бывшей Югославии, но также в биографии отдельных людей, из которых эти общества состоят. Такие явления усиливают имеющуюся идеологическую нестабильность в Балканских странах [Petrovic, 2010, p. 76–77].

Все это говорит в пользу продуктивности изучения юго- и титоностальгии для российских исследователей советского прошлого, которые получают возможность увидеть, что ностальгия по позднему советскому времени – феномен, присущий отнюдь не только массовому сознанию жителей бывшего СССР, но распространенный и в других странах бывшего “социалистического лагеря”. Кроме того, сопоставление постъюгославских и постсоветских реалий позволяет увидеть и принципиальное различие в ситуации: в странах Южной Европы, не в пример России, посткоммунистическая ностальгия не стала важным фактором актуальной политики, уйдя в сферу массовой культуры, развлечений, устных семейных преданий и коммерческого китча. Никому не приходит в голову всерьез размышлять и планировать воскрешение СФРЮ, тогда как распад Советского Союза и падение коммунистической идеологии для многих жителей нашей страны по-прежнему остается незаживающей раной, а возвращение к советскому прошлому – все еще весьма популярный политический лозунг.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Банников К.Л. Антропология экстремальных групп. Доминантные отношения военнослужащих срочной службы Российской Армии. М., 2002.

Берелович А. Семидесятые годы XX века: реплика в дискуссии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2003. № 4.

Бойм С. Конец ностальгии? Искусство и культурная память конца века: случай Ильи Кабакова // Новое литературное обозрение. 1999. № 39.

Горалик Л. Росагрозспорт сырка. Символика и символы советской эпохи в сегодняшнем российском брендинге // Теория моды. 2007. № 4.

Кустарев А. Золотые 1970-е – ностальгия и реабилитация // Неприкосновенный запас. 2007. № 2.

“Советский” и “антисоветский”: что такое хорошо и что такое плохо? // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 1421. 1 февраля 2010 г. (<http://wciom.ru/index.php?id=268&uid=13124>).

Юрчак А. Поздний социализм и последнее советское поколение // Неприкосновенный запас. 2007. № 2.

Bancroft C. Yugonostalgia: the Pain of the Present // ISP Collection. Paper № 787. 2009 (http://digitalcollections.sit.edu/isp_collection/787).

Berghahn D. Hollywood Behind the Wall: the Cinema of East Germany. Manchester, 2005.

Berdahl D. “(N)Ostalgie” for the Present: Memory, Longing, and East German Things // Ethnos: Journal of Anthropology. 1999. № 64.

Betts P. Remembrance of Things Past: Nostalgia in West and East Germany, 1980–2000 // Pain and Prosperity: Reconsidering Twentieth-century German History. Stanford, 2003.

Cardinal R. Collecting and Collage-making: the Case of Curt Schwitters // The Cultures of Collecting. Cambridge (Mass.), 1994.

Chase M., Shaw C. The Dimension of Nostalgia // The Imagined Past – History and Nostalgia. Manchester–New York, 1989.

Cook R.F. Good Bye, Lenin!: Free-market Nostalgia for Socialist Consumerism // A Journal of Germanic Studies. 2007. № 2.

Davis F. Yearning for Yesterday-sociology of Nostalgia. New York, 1979.

Herzfeld M. Cultural Intimacy: Social Poetics in the Nation-state. New York, 2004.

Jameson F. Archaeologies of the Future – The Desire Called Utopia and Other Science Fiction. New York–London, 2005.

Lash C. The True and Only Heaven: Progress and its Critics. New York–London, 1991.

Martin B. Club Cola and Co.: Ostalgie, Material Culture and Identity. Transformations of the New Germany. New York, 2006.

Petrovic T. Nostalgia for the JNA? Remembering the Army in the Former Yugoslavia // Post-communist Nostalgia. New York, 2010.

Schwander-Sievers S. Invisible-Inaudible. Albanian Memories of Socialism after the War in Kosovo // Post-communist Nostalgia. New York, 2010.

Stewart S. On Longing – Narratives of the Miniature, the Gigantic, the Souvenir, the Collection. Durham–London, 1993.

Velikonja M. Lost in Transition: Nostalgia for Socialism in Post-socialist Countries // East European Politics and Societies. 2009. № 4.

Velikonja M. Titostalgia – a Study of Nostalgia for Josip Bros. Ljubljana, 2008.

© П. Абрамов, 2012